

с помощью таких понятий, как длительность, междусубъектность, полифоничность, межпарадигмальность и др. В неклассической традиции процесс творчества и его результаты дополняются антропологическим и социальным измерением.

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ РАССМОТРЕНИЯ ПАМЯТИ И ПРИПОМИНАНИЯ

А. М. Давлетшина

*магистрантка 2 курса Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

В XX в. феномен памяти попал в фокус рассмотрения целого ряда философов, а именно: Н. Лумана, Т. Адорно, П. Бергера, М. Фуко, П. Рикёра и др. Во многом это связано с историческими событиями, произошедшими в первой половине XX столетия и последовавшими за этим кардинальными изменениями в мировоззрении. Особый интерес представляла собой разработка таких тем, как соотношение памяти и забвения, воспоминания и забвения, памяти и власти, памяти и истории, выделение форм памяти и т. д.

Свое начало рассмотрение памяти и припоминания берет у античных философов. Задаваясь вопросом, как и за счет чего возможно человеческое познание и как возможно истинное знание, они закладывают вместе с тем фундамент последующей интерпретации памяти. Так, отмечает Рикёр, например, платоновское рассмотрение памяти и припоминания, привело к первоначальному сцеплению между собой памяти и воображения. В теореме 18 второй части «Этики» Спиноза пишет: «Если человеческое тело подверглось однажды действию одновременно со стороны двух или нескольких тел, то душа, *воображая* впоследствии одно из них, тотчас будет *вспоминать* и о других»³⁵² (курсив – А. Д.).

Для Платона (427–347 гг. до н. э.) память – это восковая дощечка, находящаяся в душе. Он говорит через Сократа в «Театете»: «вообрази, что в наших душах есть восковая дощечка; у кого-то она побольше, у кого-то поменьше, у одного – из более чистого воска, у другого – из более грязного или у некоторых он более жесткий,

³⁵² Цит. по: Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. М.: Гуманитарная литература, 2004. С. 23.

а у других помягче, но есть у кого и в меру»³⁵³. Он продолжает: «Скажем теперь, что это дар матери Муз, Мнемосины, и, подкладывая его под наши ощущения и мысли, мы делаем в нем оттиск того, что хотим запомнить из виденного, слышанного или самими нами придуманного, как бы оставляя на нем отпечатки перстней. И то, что застывает в этом воске, мы помним и знаем, пока сохраняется изображение этого, когда же оно стирается или нет уже места для новых отпечатков, тогда мы забываем и больше уже не знаем»³⁵⁴. Эта аналогия помогает объяснить Платону появление ложного и подлинного мнения. Он отождествляет подлинное мнение с соответствием отпечатка предмету, а ложное мнение является несоответствием отпечатка предмету. В «Филебе» он так же говорит об этом – память направлена на то же, на что и ощущения. Связанные с этими ощущениями впечатления представляются Платону как бы писцом, который записывает речи в нашей душе. В случае, когда впечатление записано правильно, мы получаем истинное мнение. Если писец допускает ошибку, то мы получаем ложное мнение, которое противоречит истине³⁵⁵. В итоге память выступает хранилищем различных следов, оставленных в ней ощущениями.

Платону было важно рассмотреть не только память, но и припоминание в связи с его теорией о существовании мира идей. Идеи представляют собой бестелесные, вечные, неизменные объекты. Звиревич В. Т. пишет: «Идеи пребывают всегда тождественными себе, т.е. неизменяются, не переходят в свою противоположность»³⁵⁶. Душа человека обитает изначально в этом мире идей и наблюдает их. Но соединяясь с телом, душа забывает о своем знании, т. е. не осознает того, что она знает. Она как бы лишается ума. Далее душа начинает припоминать забытое и тем самым актуализирует то знание, которое раньше не помнила. Именно второй этап процесса познания выступает у Платона припоминанием того, что душа знала раньше. Припоминание осуществляется при участии тела, т. е. с помощью органов чувств. Необходимо отметить, что ощущения – это лишь стимул к припоминанию, а не само припоминание. Припоминание как таковое, есть размышление

³⁵³ Платон. Театет // Собрание сочинений: в 4 тт. / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Перев. с древнегреч. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 251.

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Цит. по: Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. М.: Гуманитарная литература, 2004. С. 34.

³⁵⁶ Звиревич В. Т. Философия древнего мира и средних веков: Учебное пособие для высшей школы. М.: Академический Проект, 2004. С. 181.

о чем-либо, вызванное восприятием. По той причине, что душа припоминает вечные и неизменные идеи, то память оказывается лишенной функции темпоральности. Это сразу отличает Платона от Аристотеля, который указывает на наличие этой функции у памяти.

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) продолжает рассмотрение памяти и посвящает этой теме небольшой трактат «О памяти и припоминании», который входит в цикл «Малых сочинений о природе» («*Parva naturalia*»). Эта работа, впрочем, как и остальные сочинения этого цикла, примыкают к работе «О душе» и продолжают исследование заявленных в ней проблем. Во II и III книгах «О душе» Аристотель выясняет, что есть душа, каковы ее основные части и способности, а в «Малых сочинениях о природе» он описывает отдельные проявления душевной деятельности у разных животных: ощущения, память, вожеление, удовольствие и страдание, сон и бодрствование, юность и старость, дыхание и питание, жизнь и смерть, здоровье и болезни.

Перед тем как перейти к рассмотрению трактата «О памяти и припоминании», необходимо сказать следующее. По мнению философа, все существующее представляет собой предметы двух видов – предметы чувственно постигаемые и предметы умопостигаемые. Знание начинается с ощущений, которые являются одной из способностей души. Оно осуществляется при посредстве органов чувств, когда на них воздействуют предметы внешнего мира. Поэтому ощущения появляются в результате «страданий», которые им доставляют предметы. То есть и душа испытывает страдания от получения ощущений. Ощущение – это не сам предмет, а его образ, отпечатывающийся в памяти. Это форма предмета, запечатленная в душе. Ощущения сохраняются в душе, становятся памятью и, благодаря последней формируется опыт. Опыт является основой деятельности, т. к. человек, знающий отдельную вещь, достигает в осуществлении действия большого успеха, чем человек, обладающий только общим понятием.

В трактате «О памяти и припоминании» Аристотель пытается решить целый ряд вопросов: что представляет собой память и припоминание, как память связана со временем, почему люди по-разному запоминают и т. д.

По мнению философа, можно заметить, что способность припоминать и иметь память у людей разная. Он пишет: «действительно, не одни и те же суть помнящие и припоминающие, но обычно

лучшей памятью обладают медлительные, а легче припоминают проворные и сметливые»³⁵⁷. Но уже здесь появляются расхождения с Платоном. Если для Платона возможность памяти и запоминания соотносится с душой, то в трактате Аристотеля видно, что в процессе запоминания участвует и душа, и тело. «Дело в том, что возникающее движение запечатлевается словно отпечаток ощущаемого предмета, точно так же как запечатлеваются отпечатки перстней. Поэтому у тех, кто из-за страсти или по причине возраста пребывает в интенсивном движении, не возникает памяти, как если бы движение или перстень-печатка попали в текущую воду. У других же память не возникает потому, что они стираются как старые стены, а также потому, что из-за неподатливости воспринимающего воздействие, в нем не возникает отпечатка. Вот почему слишком молодые или слишком старые ничего не помнят – они текут: одни из-за роста, другие из-за разрушения. Точно так же ни очень проворные, ни очень медлительные не кажутся памятьливыми, поскольку первые – чересчур влажные, а вторые – чересчур твердые, так что у одних представление не задерживается в душе, а у других не появляется»³⁵⁸.

Выше было отмечено, что для Платона память не обладает темпоральными свойствами. Аристотель с ним не согласен. Нельзя помнить будущего, ибо это предмет мнения и предвидения. Нельзя иметь памяти о настоящем, т.к. настоящее постигается ощущением. Память – это всегда память о прошлом. И на самом деле, пишет Аристотель, ведь когда человек говорит, что он раньше уже это слышал, ощущал или мыслил что-то, то здесь видно, что память – это «приобретенное свойство или состояние чего-то из них по происшествию времени»³⁵⁹.

Памятью, по мнению Аристотеля, обладают не только люди, но и многие другие животные, но вот припоминание – свойственно только человеку. Ряд философов отмечает (например, А. С. Надточаев, Г. Арним), что чувственные восприятия и память являются основой формирования опыта. Памятью, как было сказано выше, обладают не только люди, но и животные. Поэтому у животных также имеется опыт, но они не могут по своему желанию, в отличие от человека, что-либо припомнить.

Припоминание не является возвращением памяти душе. Также оно не является приобретением памяти. Это связано с тем, что память есть тогда, когда состояние или воздействие уже находятся

³⁵⁷ Аристотель. О памяти и припоминании // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 161.

³⁵⁸ Там же. С. 162.

³⁵⁹ Там же. С. 161.

в душе, а значит, пока воздействие продолжается, память не возникает. То есть, можно сказать, что кто-то имеет память о том, что было месяц, неделю, день назад, но нельзя сказать, что кто-то имеет память о том, что воспринимает сейчас. Память, акцентирует Аристотель, появляется не раньше, чем по прохождению некоторого времени. Также помнит не тот, кто сейчас припоминает, а тот, кто сначала что-то ощутил или испытал. Когда же он возвращает себе прежнее знание или ощущение, т. е. то, что мы можем назвать памятью, именно тогда и происходит припоминание. Припоминание чего-либо вызывается движением: начиная что-то вспоминать, мы, двигаясь с любого конца смыслового ряда, можем прийти к искомому. С. В. Месяц в примечаниях к трактату «О памяти и припоминании» приводит пример Фемистия, написавшего комментарии к ряду трактатов Аристотеля, который как раз демонстрирует процесс припоминания. Например, у нас есть ряд ассоциаций – Афины, Ликей, дом Платона, начало месяца, пир, Сократ, игра Сократа на лире, лира. Тогда, вспомнив о пире, мы можем сразу же вспомнить лиру, а если этого не случится, то к лире нас обязательно приведут другие ассоциации. Также мы можем вызвать припоминание с помощью повторного изучения. Но здесь нужно учитывать один важный момент. Если в процессе изучения человек каким-то образом сам смог прийти к тому, что было за началом изучения, то это припоминание. Если же он вспоминает это не сам, а благодаря чему-то другому, то он больше не помнит.

Плотин (205–270 гг.) строил свое понимание памяти в противовес Аристотелю. Одной из главных ошибок Аристотеля, по мнению философа, была именно аналогия между душой и табличкой для письма. Плотину необходимо было дать свое понимание природы ощущения и памяти, т. к. существующее понимание его приводило к пассивности души, которая всего лишь позволяет запечатлеть на себе отпечатки и отпечатки вещей внешнего мира. По мнению основоположника неоплатонизма, познание внешнего мира возможно только при предположении о наличии активного субъекта познания, который не является пассивной средой запечатления ощущений. Поэтому небольшое сочинение Плотина «Об ощущении и памяти» посвящено опровержению того, что память подобна восковой дощечке.

Он сразу отрицает то, что в душе могут прибывать какие-либо отпечатки ощущений. Но если это не отпечатки, то что? Плотин пишет: «воспринимая ощущение чего-либо посредством зрения, мы видим и нечто предстает нашему взгляду только тогда, когда видимое находится на каком-то расстоянии, поскольку именно

тогда, разумеется, и возникает восприятие, и душа смотрит наружу, и поскольку в ней не появился и не появляется никакого оттиска, и она не принимает никакого впечатления, как это бывает в случае отпечатка перстня на воске»³⁶⁰. Плотин не может согласиться с Аристотелем, т. к. если бы душа воспринимала оттиски того, что видит, то она смотрела бы не на то, что видит, а лишь на подобия видимого. То есть вещи на самом деле были одним, а видели бы мы совсем другое, и совсем другое держали в своей памяти. Но из того, что сказано выше выходит будто память ничего не принимает в себя, но при этом воспринимает то, чем не обладает. По Плотину получается так, что душа за счет своей активной позиции удерживает в себе ощущения с помощью некоего усилия. И с помощью опять же некой «силы-способности души» возможно припоминание ощущений.

Тема памяти и припоминания важна для античной философии в связи с рассмотрением генезиса человеческого познания. Особенно хорошо это видно у Аристотеля, который говорит о том, что без наличия памяти не возможно и накопление опыта. Отсюда становится не возможным появление различных искусств и, главное, наук. Ощущения, которые отпечатываются в памяти, являются фундаментом истинного знания о мире. Но если у Платона и Аристотеля душа испытывается воздействием ощущений на себе, то Плотин говорит об активной душе. Тем самым он уходит от пассивной созерцательности и переходит к активному субъекту, выбирающему ощущения, которые будут им восприняты и запечатлены в памяти.

РАЦИОНАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ «ВЛАСТИ НАКАЗЫВАТЬ»

М. В. Пырина

*магистрантка 2 курса Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Французский мыслитель М. Фуко вводит понятие «экономии власти наказывать» для определения цели судебно-правовой реформы конца XVIII – начала XIX вв.³⁶¹. как улучшения распределения наказания: наказывать можно менее строго, но более универсально и с неизбежностью. Эпоха Просвещения формирует

³⁶⁰ Плотин. Об ощущении и памяти // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 170.

³⁶¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Под ред. И. Борисова; пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.